

ЦЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ПРАВОВОГО КАЧЕСТВА ЕГО РЕШЕНИЙ

В статье на основе практических примеров рассматривается вопрос о значении установленных законом целей деятельности Конституционного Суда Российской Федерации для оценки соответствия его решений требованиям качества компетенционной легальности. Отмечается, что законоположения о целях деятельности Конституционного Суда являются неотъемлемой частью нормативного регулирования его компетенции, что подтверждает возможность их применения при рассмотрении и разрешении конкретных дел.

Ключевые слова: решения Конституционного Суда Российской Федерации; компетенция Конституционного Суда Российской Федерации; правовое качество.

Based on practical examples, the article discusses the significance of the goals of the Constitutional Court of the Russian Federation established by law to assess the compliance of its decisions with the requirements of the quality of competence legality. It is noted that the provisions on the goals of the Constitutional Court are an integral part of the normative regulation of its competence, which confirms the possibility of their application in the consideration and resolution of specific cases.

Keywords: decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation; competence of the Constitutional Court of the Russian Federation; legal quality.

Учреждение органа публичной власти предполагает осуществление им определенных, нормативно установленных полномочий. Как отмечал, например, Д.Н. Бахрах, государственный (муниципальный) орган представляет собой самостоятельную часть государственного аппарата (аппарата местного самоуправления), наделенную собственной компетенцией [1, с. 76]. Одновременно предполагается, что компетенция органа публичной власти всегда ограничена, что подразумевает запрет для любого такого органа осуществлять полномочия, которые в его компетенцию не входят (причем вне зависимости от того, закреплены ли эти полномочия за каким бы то ни было другим органом). Идея о наличии пределов компетенции органов публичной власти находит свое закрепление в Конституции Российской Федерации. Так, в Российской Федерации как правовом государстве, где

все субъекты правоотношений, включая органы государственной власти, органы местного самоуправления и должностных лиц, обязаны соблюдать Конституцию и законы, государственная власть осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную (часть 1 статьи 1, статья 10, часть 2 статьи 15). Как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд) в самом первом своем решении, один из основополагающих принципов конституционного строя заключается в том, что любой государственный орган может принимать только такие решения и осуществлять такие действия, которые входят в его компетенцию, установленную в соответствии с Конституцией Российской Федерации [14, абзац первый мотивировочной части].

© Петров А.А., 2020

Не является исключением в этом отношении и сам Конституционный Суд. Так, его основные полномочия — рассмотрение дел в порядке абстрактного и конкретного нормоконтроля, по спорам о компетенции, по официальному толкованию Конституции Российской Федерации и др. — закреплены непосредственно на конституционном уровне (части 2 — 5, 7 статья 125). Кроме того, Конституция Российской Федерации допускает дополнительное определение полномочий Конституционного Суда посредством принятия федеральных конституционных законов (часть 3 статьи 128).

Вместе с тем определение компетенции не исчерпывается простым перечислением круга вопросов, которые вправе рассматривать и решать соответствующий орган. Это очевидно уже потому, что полномочия любого органа публичной власти могут меняться как в сторону сокращения, так и в сторону расширения, что, в свою очередь, ставит вопросы о пределах таких изменений, о наличии некоего минимального набора полномочий, без которого орган публичной власти вообще не может считаться полноценно учрежденным и т. д. Ответы на эти вопросы нередко формулируются в виде общей нормативной характеристики того или иного органа. Так, Президент Российской Федерации определяется Конституцией как глава государства (часть 1 статьи 80), Федеральное Собрание — как представительный и законодательный орган (статья 94), Верховный Суд — как высший судебный орган по делам, подсудным судам (статья 126), и т. п. Отметим, что и в науке отечественного конституционного права признается, что элементами статуса органа публичной власти является не только собственно его компетенция, но и его правовая характеристика, а также определение места соответствующего органа в общей системе власти [2, с. 11].

Применительно к Конституционному Суду Конституция Российской Федерации подобной общей характеристики не содержит, но она сформулирована в статье 1 Федерального конституционного закона от 21 июня 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской

Федерации» [7] (далее — Закон о Конституционном Суде), где Конституционный Суд определяется как судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства. Эта формулировка носит предельно обобщенный характер, однако она все же является частью закона и, следовательно, обязательна для соблюдения. Нормативно-регулирующее воздействие этого законоположения проявляется в двух аспектах. Во-первых, подчеркивая принадлежность Конституционного Суда именно к судебной власти, законодатель исключает наделение его полномочиями, которые не свойственны судам и не могут осуществляться ими (например, Конституционный Суд — и никакой суд вообще — не может решать вопросы оценки целесообразности принимаемых законов, поскольку это в принципе не относится к задачам правосудия). Во-вторых, приведенная нормативная характеристика Конституционного Суда ориентирует Конституционный Суд на достижение в рамках его деятельности определенных целей. Иными словами, Конституционный Суд всей своей деятельностью должен реализовывать свое предназначение в качестве суда, осуществляющего власть в форме конституционного судопроизводства.

Данная идея конкретизируется путем законодательного определения целей осуществления полномочий Конституционного Суда. В соответствии с абзацем первым части первой статьи 3 Закона о Конституционном Суде Конституционный Суд рассматривает отнесенные к его компетенции дела и осуществляет иные свои полномочия в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации. Г.А. Гаджиев отмечает, что Закон о Конституционном Суде, закрепляя «цели, задачи, предназначение Конституционного Суда», тем самым конкретизирует конституционные нормы о полномочиях Конституционного Суда [3, с. 10].

Таким образом, как содержание приведенного законоположения о целях осуществления полномочий Конституционного Суда, так и его место в системе правового регулирования федерального судебного конституционного контроля ясно указывают на то, что эти цели являются неотъемлемой составной частью компетенции Конституционного Суда и определяют тем самым пределы ее осуществления. Н.В. Витрук и О.И. Тиунов подчеркивают, что использование полномочий Конституционного Суда непосредственно связано с целью и задачами судебного конституционного контроля [4, с. 84]. Следовательно, соблюдение Конституционным Судом рамок установленных целей его деятельности следует рассматривать в качестве одного из критериев такого вида правового качества решений Конституционного Суда, как качество их компетенционной легальности, под которой подразумевается вид правового качества решений Конституционного Суда, отражающий степень выраженности в них компетенции Конституционного Суда [9, с. 4].

Практика знает ряд примеров применения рассматриваемых установлений Конституционным Судом. Анализ этих примеров может способствовать лучшему пониманию требований, предъявляемых к решениям Конституционного Суда.

Так, в 1998 году Конституционный Суд рассматривал дело о проверке конституционности ряда положений избирательного законодательства Республики Башкортостан. В этом деле оспаривалась, в том числе конституционность положения статьи 7 Закона Республики Башкортостан от 31 октября 1991 года № ВС-9/38 «О выборах Президента Республики Башкортостан» о поддержке выдвигаемой на должность Президента Республики Башкортостан кандидатуры не менее чем 100 тысячами граждан Республики Башкортостан. Данное положение применялось в ходе выборов Президента Республики Башкортостан, которые состоялись до вступления в силу в 1993 году Конституции Российской Федерации, однако затем оно утратило силу. Прекращая производство по делу в этой части, Конституционный Суд указал, что исходя

из природы конституционного контроля и смысла части первой статьи 3 Закона о Конституционном Суде, задачей Конституционного Суда является правовая охрана именно действующей Конституции Российской Федерации; утративший же силу правовой акт, в связи с применением которого до введения ее в действие могли иметь место нарушения прав и свобод граждан, не оценивается Конституционным Судом с точки зрения его соответствия действующей Конституции [11, абзац шестой пункта 2 мотивировочной части].

Таким образом, в компетенцию Конституционного Суда не входит проверка правовых актов с точки зрения их соответствия ранее действовавшей Конституции (Основного Закона) Российской Федерации — России от 12 апреля 1978 года (с последующими изменениями и дополнениями). Представляется, что значение этой правовой позиции Конституционного Суда не ограничивается только вопросами о сопоставлении правовых актов с прежней Конституцией — в случае прекращения действия отдельных положений действующей Конституции Российской Федерации в результате внесения в нее поправок Конституционный Суд в дальнейшем не должен оценивать правовые акты с точки зрения их соответствия таким положениям.

В приведенном примере применение Конституционным Судом положений абзаца первой части первой статьи 3 Закона о Конституционном Суде о целях его деятельности было необходимо в относительно простой правовой ситуации — для уточнения предмета рассмотрения по делу. Вместе с тем на практике встречаются и другие, более сложные случаи, когда применение тех же законоположений может быть востребовано для обеспечения правового качества решений Конституционного Суда. В частности, именно цели осуществления полномочий Конституционного Суда оправдывают применение им такой исключительной конституционно-судебной технологии, как воздержание от признания оспариваемого правового акта либо его отдельных положений не соответствующими Конституции Российской Федерации. Например, разрешая вопрос о проверке конституционно-

сти Федерального закона от 15 апреля 1998 года № 64-ФЗ «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» в целом по порядку его принятия палатами Федерального Собрания. Конституционный Суд воздержался от признания названного закона не соответствующим Конституции Российской Федерации по порядку принятия Государственной Думой, несмотря на имевшие место нарушения. В Постановлении Конституционного Суда от 20 июля 1999 года № 12-П [16, абзац десятый пункта 13 мотивировочной части и пункт 10 резолютивной части] отмечено, что такое признание «давало бы возможность поставить под сомнение конституционность и других ранее принятых федеральных законов. Такой результат противоречил бы целям конституционного судопроизводства, каковыми являются защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации».

Правовая позиция Конституционного Суда, сформулированная в постановлении от 20 июля 1999 года № 12-П, нашла свое дальнейшее развитие в деле о проверке конституционности ряда положений ГПК Российской Федерации, регулировавших полномочия Верховного Суда Российской Федерации в сфере нормоконтроля. Заявитель по этому делу ставил вопрос о неконституционности этих положений по форме, поскольку согласно статье 128 Конституции Российской Федерации полномочия судов должны устанавливаться федеральными конституционными законами, а ГПК Российской Федерации таковым не является. Разрешая этот вопрос, Конституционный Суд в постановлении от 27 января 2004 года № 1-П [10, абзац пятый пункта 7 мотивировочной части] указал, что признание оспариваемых норм не соответствующими Конституции Российской Федерации по форме «предопределило бы и признание неконституционности по тому же основанию указанных положений, закрепляющих в целом полномочия судов общей юрисдикции разрешать дела об оспаривании нор-

мативных правовых актов, а также других положений данного Кодекса, касающихся полномочий судов общей юрисдикции, что привело бы к существенному ограничению деятельности судов по осуществлению правосудия и дало бы возможность поставить под сомнение конституционность других принятых после вступления в силу Конституции Российской Федерации федеральных законов, устанавливающих полномочия судов». Такой результат, с точки зрения Конституционного Суда, противоречил бы целям конституционного судопроизводства (ссылки на абзац первый части первой статьи 3 Закона о Конституционном Суде в соответствующем месте названного постановления нет, но представляется очевидным, что речь идет именно о целях, установленных в этом абзаце).

Все приведенные выше примеры объединяет то, что в них Конституционный Суд использует ссылку на законодательно закрепленные цели своей деятельности в качестве обоснования для ограничения содержания своих решений (с точки зрения предмета рассмотрения по делу либо с точки зрения итоговых выводов и корреспондирующих им правовых последствий). Вместе с тем цели деятельности Конституционного Суда, как уже подчеркивалось, способны определять качество его решений и в позитивном смысле, что также подтверждается примерами из практики конституционного судопроизводства.

Так, Конституционный Суд в ряде своих решений сформулировал правовую позицию, согласно которой рассмотрение запроса о толковании Конституции Российской Федерации не должно подменять собой иные виды конституционного судопроизводства, а потому он воздерживается от толкования Конституции Российской Федерации в ситуации, когда в Государственной Думе идет законодательный процесс, и запрос о толковании Конституции, по существу, представляет собой попытку получить предварительную оценку конституционности конкретных положений соответствующего законопроекта [8]. Однако в Постановлении от 1 июля 2015 года № 18-П [15, абзацы четвертый и пятый пункта 2 мотивировочной части] Конституционный

Суд скорректировал этот подход, уточнив, что если поставленный в обращении о толковании Конституции Российской Федерации вопрос является принципиальным с точки зрения конституционной допустимости концепции, т. е. самой идеи, того или иного законодательного решения, а в понимании содержащихся в соответствующих нормах Конституции Российской Федерации предписаний действительно имеется неопределенность, то Конституционный Суд не вправе воздерживаться от ее устранения путем толкования Конституции. Иное, как подчеркнул Конституционный Суд, не отвечало бы его предназначению, «закрепленному в статье 125 Конституции Российской Федерации и конкретизирующей ее положения статье 3 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», возлагающих на него защиту основ конституционного строя, основных прав и свобод человека, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации».

Как видно из приведенного примера, здесь цели деятельности Конституционного Суда служат аргументом, прямо подтверждающим возможность и необходимость принятия Конституционным Судом решения по поставленному заявителем вопросу. Более того, регулирующее воздействие предписаний, фиксирующих эти цели, может проявляться и в отношениях, которые складываются за пределами конкретных дел, рассматриваемых в Конституционном Суде. В Постановлении от 8 ноября 2012 года № 25-П Конституционный Суд отметил, что достижение установленных Законом о Конституционном Суде целей его деятельности «возможно лишь при условии неукоснительного исполнения актов конституционного правосудия как императива правового государства, в котором любые споры разрешаются правовыми средствами. Неисполнение же либо ненадлежащее исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации, общеобязательность которых имеет конституционно-правовое основание, не только наносит ущерб интересам

правосудия, но и подрывает у граждан доверие к судам и в целом к государству, обязанному признавать и защищать права и свободы человека и гражданина» [12, абзац третий пункта 2 мотивировочной части]. Естественно, что такое понимание целей деятельности обязывает и сам Конституционный Суд обеспечивать исполнимость каждого конкретного своего решения. Решение же, которое в силу тех или иных дефектов его содержания не может быть исполнено, не обладает свойством общеобязательности, несмотря на то, что такое свойство закрепляется за всеми решениями Конституционного Суда статьей 6 Закона о Конституционном Суде. Как справедливо указывает В.А. Кряжков, незамедлительное исполнение решения Конституционного Суда и точность следования его установлениям являются проявлениями их обязательности [5, с. 237].

Обобщая сказанное, отметим, что цели деятельности Конституционного Суда, предусмотренные абзацем первым части первой статьи 3 Закона о Конституционном Суде, обеспечивают соблюдение требований качества компетенционной легальности решений Конституционного Суда посредством:

1) наложения ограничений на рассмотрение и разрешение им отдельных вопросов в случаях, когда правовые последствия возможного решения Конституционного Суда вступали бы в противоречие с этими целями, даже если принятие решения по соответствующему вопросу формально относится к полномочиям Конституционного Суда;

2) побуждения Конституционного Суда к рассмотрению и разрешению поставленного перед ним вопроса в ситуации, когда имеются формальные основания для признания обращения в Конституционный Суд несоответствующим требованиям допустимости.

И в том, и в другом случае — что подтверждается приведенными практическими примерами — речь идет об особо сложных, «пограничных» ситуациях, когда возможность разрешения Конституционным Судом поставленного перед ним вопроса не вполне очевидна. Таких ситуаций

не бывает много, и именно поэтому прямые ссылки на законодательно установленные цели деятельности Конституционного Суда можно встретить только в единичных его решениях.

Вместе с тем, как уже подчеркивалось, Конституционный Суд должен стремиться к достижению этих целей при рассмотрении и разрешении каждого конкретного дела. К сожалению, в отдельных (редких) случаях содержание решений Конституционного Суда не способствует этому, в результате чего необходимый уровень правового качества решений Конституционного Суда с точки зрения требований их компетенционной легальности не достигается. В качестве примера можно привести Постановление от 27 июля 2012 года № 15-П, где Конституционный Суд признал взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации неконституционными постольку, поскольку в действующей системе гражданско-правового регулирования не предусматривается возможность дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими. При этом Конституционный Суд предписал федеральному законодателю с учетом вынесенного постановления внести в действующее регулирование необходимые изменения в срок до 1 января 2013 года [13, пункт 2 и абзац первый пункта 3 резолютивной части].

Такое решение не вызывало бы сомнений, если бы Конституционный Суд не установил, что впредь до вступления в силу нового правового регулирования взаимосвязанные положения пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации подлежат применению в ныне действующей редакции, а судебные постановления, вынесенные в отношении заявительницы, должны быть пересмотрены на основе уже нового правового регулирования [Там же, абзацы второй и третий пункта 3 резолю-

тивной части]. Тем самым наступление правовых последствий решения Конституционного Суда о прекращении действия неконституционных норм в данном случае было отложено им, по существу, на неопределенный срок. Более того, даже восстановление прав конкретного гражданина, обратившегося в Конституционный Суд по данному делу, тоже было поставлено в зависимость от будущих действий законодателя. Здесь нельзя не отметить, что в силу коллегиальной природы деятельности Федерального Собрания не существует правового механизма, который бы исчерпывающим образом гарантировал принятие определенного законодательного решения в конкретный срок (в данном конкретном случае новое законодательное регулирование вступило в силу 1 марта 2015 года, т. е. заметно позднее срока, установленного Конституционным Судом [6]).

Представляется, что подход, реализованный в Постановлении Конституционного Суда от 27 июля 2012 года № 15-П, не имеет юридического смысла, причем сразу по двум причинам — не только потому, что оно не порождает конкретных правовых последствий (и, как следствие, не может эффективно способствовать реализации целей деятельности Конституционного Суда), но и поскольку внесение изменений в закон обычным путем может быть осуществлено законодателем самостоятельно, для этого вмешательство Конституционного Суда не требуется. Компетенция Конституционного Суда в такой ситуации не находит достаточного воплощения в его решении.

Проведенный анализ практики применения Конституционным Судом законоположений, определяющих цели реализации его полномочий, свидетельствует о необходимости дальнейшего научного осмысления значимости таких целей и потенциала их регулирующего воздействия в рамках института судебного конституционного контроля. Отнесение целей деятельности Конституционного Суда к критериям оценки соответствия его решений требованиям качества компетенционной легальности придает этой теме и важное практическое значение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахрах Д.Н. Административное право. Часть общая. — М. : БЕК, 1993. — 301 с.
2. Габричидзе Б.Н. Конституционный статус органов советского государства. — М. : Юрид. лит., 1982. — 184 с.
3. Гаджиев Г.А. Цели, задачи и предназначение Конституционного Суда Российской Федерации. Часть I // Журнал конституционного правосудия. — 2008. — № 1. — С. 10 — 17.
4. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. — М. : Норма ; Инфра-М, 2012. — 672 с.
5. Кряжков В.А., Лазарев Л.В. Конституционная юстиция в Российской Федерации. — М. : БЕК, 1998. — 642 с.
6. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7627.
7. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конст. закон от 21 июня 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 13. — Ст. 1447; 2018. — № 31. — Ст. 4811.
8. О прекращении производства по делу о толковании положений статьи 95, части 2 статьи 96, пунктов 7 и 8 раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации» : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 1995 г. № 80-О // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика. Решения высших судов».
9. Петров А.А. Качество компетенционной легальности решений Конституционного Суда Российской Федерации // Академический юридический журнал. — 2012. — № 2. — С. 4 — 12.
10. По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительства Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. — 2004. — № 5. — Ст. 403.
11. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 18. — Ст. 2063.
12. По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2012 г. № 25-П // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 48. — Ст. 6743.
13. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июля 2012 г. № 15-П // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 29. — Ст. 4167.
14. По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 1992 г. № 1-П-У // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 6. — Ст. 247.
15. По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июля 2015 г. № 18-П // Собрание законодательства РФ. — 2015. — № 28. — Ст. 4335.
16. По делу проверки конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 1999 г. № 12-П // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 30. — Ст. 398.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Bahrah D.N. Administrativnoe pravo. Chast' obshchaya. — M. : BEK, 1993. — 301 s.
2. Gabrichidze B.N. Konstitucionnyj status organov sovetskogo gosudarstva. — M. : Yurid. lit., 1982. — 184 s.
3. Gadzhiev G.A. Celi, zadachi i prednaznachenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii. Chast' I // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. — 2008. — № 1. — S. 10 — 17.

4. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. — М. : Норма ; Инфра-М, 2012. — 672 с.
5. *Kryazhkov V.A., Lazarev L.V.* Конституционная юстиция в Российской Федерации. — М. : БЕК, 1998. — 642 с.
6. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. — 2012. — № 53 (ч. 1). — Ст. 7627.
7. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. konst. закон от 21 июня 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ) // *Собрание законодательства РФ*. — 1994. — № 13. — Ст. 1447; 2018. — № 31. — Ст. 4811.
8. О прекращении производства по делу о толковании положений статьи 95, части 2 статьи 96, пунктов 7 и 8 раздела второго «Заклывательные и переходные положения» Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 7 декабря 1995 г. № 80-О // *СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика. Решения высших судов»*.
9. *Petrov A.A.* Качество компетенционной легальности решений Конституционного Суда Российской Федерации // *Академический юридический журнал*. — 2012. — № 2. — С. 4 — 12.
10. По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей статьи 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Правительству Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2004 г. № 1-П // *Собрание законодательства РФ*. — 2004. — № 5. — Ст. 403.
11. По делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 92 Конституции Республики Башкортостан, части первой статьи 3 Закона Республики Башкортостан «О Президенте Республики Башкортостан» (в редакции от 28 августа 1997 года) и статей 1 и 7 Закона Республики Башкортостан «О выборах Президента Республики Башкортостан» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 г. № 12-П // *Собрание законодательства РФ*. — 1998. — № 18. — Ст. 2063.
12. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Акционерная компания трубопроводного транспорта нефтепродуктов «Транснефтепродукт» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2012 г. № 25-П // *Собрание законодательства РФ*. — 2012. — № 48. — Ст. 6743.
13. По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июля 2012 г. № 15-П // *Собрание законодательства РФ*. — 2012. — № 29. — Ст. 4167.
14. По делу о проверке конституционности Указа Президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 289 «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 1992 г. № 1-П-У // *Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации*. — 1992. — № 6. — Ст. 247.
15. По делу о толковании статей 96 (часть 1) и 99 (части 1, 2 и 4) Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июля 2015 г. № 18-П // *Собрание законодательства РФ*. — 2015. — № 28. — Ст. 4335.
16. По делу о проверке конституционности Федерального закона «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находившихся на территории Российской Федерации» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июля 1999 г. № 12-П // *Собрание законодательства РФ*. — 1999. — № 30. — Ст. 398.